

А.В. КИРИЛИНА

Гендерные исследования в зарубежной и русской лингвистике

(Философский и методологический аспекты)

Хотя понятие "гендер" введено в категориальный аппарат лингвистики сравнительно недавно [1, 2], гендерные исследования здесь уже оформились в самостоятельное направление. Вопросы взаимосвязи языка и пола его носителей (как и вообще значимость пола как фактора в процессе социализации личности), разумеется, обсуждались и ранее. При этом бурное развитие гендерных исследований на Западе совпало по времени с формированием новой философии науки - в первую очередь благодаря идеологии постмодернизма, а также поиску новой эпистемы в самой лингвистике.

Как объяснить, почему гендерные исследования интенсифицировались в западных странах именно в период критики структурализма и формирования постмодернистской философии? Какое значение имеет этот факт для русского языкознания, также переживающего в некотором роде "кризис жанра"? Для ответа на эти вопросы необходимо обобщить представления о процессах, в результате которых сформировались постструктурализм и постмодернизм, определить, как они связаны с философией языка, и, наконец, установить, в чем же состоит лингвистическая компетенция в современной гендерологии.

Начнем с того, что принципиально новое внесли в теорию познания те тенденции современной мысли, которые часто характеризуются как постмодернизм: постструктурализм, деконструктивизм, постмарксизм и некоторые течения феминизма. Во многих отношениях различия между ними перевешивают сходства, но при этом у них есть общие черты, которые и могут быть определены как постмодернистские [2, с. 154, 155].

Во-первых, все названные течения отрицают устойчивые эпистемологические основы, неоспоримые теоретические предпосылки и закономерности. Их объединяет недоверие к абсолютным или универсальным нормам и всеобъемлющим теоретическим системам, отход от картезианской логики.

Во-вторых, они ставят под сомнение идею рационального, единого субъекта, которая была основой западной мысли с эпохи Просвещения, предпочитая рассматривать субъект как социально и лингвистически фрагментированный.

В-третьих, будучи привержены плюрализму, фрагментарности и неопределенности, представители этих течений отвергают положение о социальной целостности, как и понятие причинности [3].

Кирилина Алла Викторовна - кандидат филологических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета.

Наконец, все направления постмодернистской мысли признают языковую концепцию реальности, видя в том, что мы воспринимаем как реальность, социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами лингвистической системы. Мир, утверждают они, познаваем только через языковые формы, следовательно, наши представления о нем не могут отразить реальность, которая существует за пределами языка. Эти представления могут быть соотнесены только с другими языковыми выражениями. Иначе говоря, язык отделен от контактов с внешними обозначениями.

Таким образом доказывается зависимость сознания индивида от стереотипов языка. Предполагается, что в сознании каждого запечатлена некоторая совокупность текстов, которые определяют отношение человека к действительности, его поведение и опосредуются дискурсивной практикой. Вследствие этого языку придается исключительно важное значение, а лингвистика становится одной из центральных наук. Если сознание индивида уподоблено тексту, человек как субъект "растворяется в текстах-сознаниях, составляющих великий интертекст культурной традиции" [4, с. 225].

Благодаря воздействию феминизма существенное место в идеологии постмодернизма занимают вопросы пола. Пол и возраст - те сущностные категории, на которых базируется экзистенциальный статус личности. Так, согласно идее Ж. Дерриды, система ценностей и взгляд на мир формируются с позиции "европейских белых мужчин". Иными словами, все сознание современного человека, независимо от его пола, насквозь пропитано идеями и ценностями мужской идеологии с ее приоритетом мужского начала, логики, рациональности и объектности женщины. Распространению этой идеи способствовала и известная книга С. де Бовуар "Второй пол", а также "Воля к знанию" М. Фуко, задуманная как первый том "Истории сексуальности" и показавшая, как социальное доминирует над биологическим даже в такой "природно обусловленной" сфере, как отношения полов. Вслед за де Бовуар Фуко показал, что уже в древности сексуальная мораль - это мораль мужчин: "мораль продуманная, написанная и преподаваемая мужчинами и к мужчинам обращенная" [5, с. 294]. Феминисты выдвинули тезис о господстве в обществе патриархата и о том, что все тексты и дискурсивные практики навязывают индивидам именно патриархатные, т.е. мужские, ценности.

В зарубежной лингвистике оформилось гендерологическое направление, изучающее с одной стороны, зафиксированные в языке стереотипы феминности и маскулинности, а также гендерные асимметрии, а с другой - особенности речевого поведения мужчин и женщин.

Гендерной лингвистике предшествовала феминистская и по сей день продолжающая существовать критика языка, или феминистская лингвистика (ФЛ). Выявленные ФЛ закономерности доказывают наличие в языковой системе "антиженской" асимметрии. Такой вывод интерпретируется с позиций гипотезы лингвистической относительности: язык не только продукт развития общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Исходя из этого, феминистская критика языка настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику вполне продуктивными факторами, например в политическом дискурсе.

Одна из основных особенностей ФЛ состоит в том, что она очень быстро вышла за рамки "чистой" лингвистики. Выраженная радикальность этого течения в языкознании и желание изменить нормы языка, а по возможности, саму языковую систему, вызвали острую междисциплинарную дискуссию. Возникновение гендерных исследований, а также весьма самостоятельного нового направления - изучения маскулинности [17, 18] - во многом обусловлено именно этой полемикой.

Теперь обратимся к ситуации, которая сложилась в России. По мнению П. Серию, в лингвистике играет роль то, где развивается та или иная концепция: как история

самих концепций, так и системы их противопоставлений другим концепциям не одни и те же повсюду, они зависят от страны или, точнее, от той или иной культурной традиции" (цит. по [6, с. 168]). Этот тезис имеет самое существенное значение для понимания того, как идет становление гендерных исследований в нашей стране. Наше языкознание само находится в процессе осмысления своих задач и перспектив. Оно характеризуется утратой четких критериев и границ. При всем разнообразии ситуаций в современной российской лингвистике выделяются четыре принципиальные общие установки:

"экспансионизм (размывание границ, расширение пределов, выход в смежные области);

антропоцентризм (обращенность к проблеме "человек в языке");

неофункциональность (рассмотрение языка как деятельности, т.е. изучение его употребления);

экспланаторность (объяснительность)" [6, с. 207].

Очевидно, что эти факторы соответствуют общемировым тенденциям. Тем не менее западные лингвисты, особенно представители ФЛ, нередко критикуют русистов за недостаточное внимание к гендерным вопросам или патриархатный подход к их тематизации [7, 8, 9]. На наш взгляд, эта критика не вполне оправдана.

Ряд вопросов, например соотношение категории грамматического рода и экстралингвистической категории "пол", рассматривались в российской лингвистике в рамках других дисциплин - в частности, морфологии, грамматики, лексикологии - еще до того, как на Западе сформировалась феминистская концепция языка (подробнее об этом см. [10]). Многие из того, что требовали феминисты, - изменение в официальном письме форм обращения, реферирование не только к мужчинам, но и к женщинам, и т.п. - по умолчанию присутствовало в русском узусе: *тетрадь ученика(цы), родился(лась)* и т.д. Важно при этом отметить, что феминистский и - шире - постмодернистский дискурс в российской лингвистике отсутствовал. Подчеркнем, что этот факт не означает отсутствия внимания к феноменам языка, непосредственно или опосредованно связанных с полом. Именно поэтому корректнее было бы говорить не об отсутствии интереса к проблематике, а об отсутствии соответствующей дискурсивной практики. Выделение пола в качестве специального предмета обсуждения действительно менее свойственно русской научной традиции, нежели западной. Как убедительно показал Фуко, проблематизация пола имеет в западной культуре глубокие корни и предстает как историческая совокупность различных знаний, институций и соответствующих практик, которые устанавливают обязательные для всех правила, границы и пределы [5, с. 425]. Таким образом, в основе изучения всех проявлений пола лежит исторически своеобразная форма опыта в отношении как конкретной личности, так и научного дискурса. Да и сами понятия "мужественность" и "женственность" при всей их общечеловеческой универсальности имеют определенную национально-культурную специфику (ср. [11]). Обнаружение и описание этой специфики - одна из актуальных задач гендерной лингвистики.

Приветствуя междисциплинарность и экспансию лингвистики как источники новых идей, следует все же задать вопрос: какова должна быть доля лингвистической компетенции в подходе к гендерным исследованиям? Что могут дать лингвистические методы и какие из них могли бы оказаться наиболее продуктивными?

Речь идет о теориях, которые мы вслед за Р. Мертоном и Р. Фрумкиной будем называть "теориями среднего уровня". Они разрабатывают эпистемологию частной науки, критерии научности принятого метода, способы проверки правильности полученных результатов, т.е. все проблемы, связанные с верификацией (подробнее см. [12, с. 56]). Проверка достоверности полученных результатов приобретает особое значение в постмодернистской лингвистике, отрицающей как общую методологию, направленную на поиск объективной истины, так и математические и логические методы, легче поддающиеся верификации. С этим тесно связан вопрос о перс-

пективных направлениях лингвистической гендерологии в нашей стране (см также [13,14]).

Хотя современной лингвистике свойственна экспланаторность, а не дескрипция, начинать надо именно со сбора и описания фактов, так как такая база практически полностью отсутствует. Необходимо и обобщение результатов работ зарубежных исследователей. На сегодняшний день в российской лингвистике есть ряд кратких обзоров [3, 4], но еще не создан ни один монографический системный обзор. За рубежом разработан ряд продуктивных методик, которые могут быть апробированы на материале русского языка и послужить развитию собственной методической базы. Но чтобы это произошло, надо создавать широкие обзорные труды, знакомящие российских лингвистов с результатами и методами зарубежных исследований.

Совершенно необходимо исследование не только речевого поведения мужчин и женщин, но и самой системы русского языка на предмет возможностей, которыми она на каждом из своих уровней располагает для выражения феминности и маскулинности (см. [15]).

Продолжением научных изысканий в области языка могли бы стать сопоставительные исследования на материале двух или нескольких языков с целью выявить, сколь сильно в них гендерные асимметрии. Так, проведя исследование на материале русского языка и заканчивая сопоставительный анализ пословиц на материале немецкого, мне удалось показать, что в русском языке есть ряд отличий, например, женский голос в русской паремиологии и отсутствие такового в немецкой. Это позволяет, по крайней мере в аспекте паремиологии, утверждать, что русский язык менее андроцентричен, чем немецкий. (Подробно задачи и первые результаты такого подхода описаны в [4, 16].)

Необходимо исследование письменного и устного речевого поведения мужчин и женщин с позиций интеракционизма и теории речевых актов, т.е. целей высказывания, стратегии и тактик речевого поведения. При разработке этого направления изучаются не только различия в вербальном поведении лиц разного пола, но и особенности лиц одного и того же пола (множественность пола). Нужны также исследования гендерной доминантности в общении, т.е. предоставления слова, возможности довести высказывание до конца, частоты перебивания говорящими друг друга и т.д. Такие исследования чрезвычайно важны еще и потому, что в них можно прогнозировать расхождение с полученными за рубежом результатами. Дело в том, что воспринимаемые до недавнего времени как универсальные принцип кооперации Грайса и принцип вежливости Гофмана и Лича, в соответствии с которыми описывается коммуникация в западной культуре, реализуются у нас несколько иначе [13, 17]. Именно этот факт, по всей видимости, влияет и на гендерные аспекты коммуникации.

Зарубежные исследования показали, что в качестве теоретической базы лингвистической гендерологии оправдывают себя концепции гендеризма (Э. Гофман) и власти (М. Фуко), а также концепция культурной обусловленности полоролевой дифференциации общества (М. Мид). Изучение различных культур показало ошибочность объяснения поведения мужчин и женщин только биологическим полом. Поведенческие черты, которые проявляют мужчины или женщины в одной культуре, могут считаться неженственными и немужественными в другой.

В то же время во всех культурах соблюдаются различия между полами, и как только ту или иную черту поведения начинают ассоциировать с определенным полом, от нее стараются избавиться представители другого пола. Именно этот факт лег в основу концепции гендеризма, т.е. культурно и социально обусловленных и воспроизводимых обществом различий в поведении полов. Неравноправный статус полов, в той или иной степени присутствующий в любой постпатриархатной культуре, позволяет и в лингвистическом исследовании опираться на концепцию власти.

Властные отношения и вытекающие из них оценки и определения понятий фиксируются в языке и являются симптомами, анализ которых позволяет установить степень андроцентричности языка.

Продуктивными оказались как метод интроспекции, так и совершенно необходимые количественные, статистические методы, социо- и психолингвистические исследования.

Там, где исследуется коммуникативная интеракция, необходимо применение методик, разработанных социолингвистикой, т.е. методик, основанных на опросе, анкетировании и т.п. большого количества людей. Целый ряд параметров человеческой личности сплавлен так прочно, что трудно на примере малого числа информантов сделать вывод об общих для всех носителей языка закономерностях. В этой связи очень перспективным представляется создание специальных проектов, предполагающих работу группы исследователей и широкий охват материала. Интересные результаты может дать сотрудничество специалистов разного профиля, например лингвистов и юристов.

Кроме того, не только язык опосредует отношение индивида к миру и создает предел познавательной деятельности человека, как это считают постмодернисты, но также и человек воздействует на изменения языка, творчески его развивая. С этой точки зрения перспективно для гендерных исследований изучение кумулятивной функции языка, т.е. фиксации в нем определенных гендерных стереотипов, а также исследование их динамики, отражающей изменения в традиционной полоролевой дифференциации общества. Изучение словообразовательной и номинативной системы языка позволит установить в ней наличие гендерных асимметрий и - шире - культурных стереотипов феминности и маскулинности.

Резюмируя подчеркну, что российской лингвистике предстоит не столько начинать "с чистого листа", сколько осмыслить накопленные факты в новом методологическом ключе, сообразно с новой, постмодернистской концепцией гуманитарной науки и собственной культурной традицией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирилина А.В. Категория "gender" в языкознании // Женщина в российском обществе. 1997. №2. С. 15-20.
2. Кирилина А.В. Женский голос в русской паремиологии // Женщина в российском обществе. 1997. № 3. С. 23-26.
3. Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. № 8.
4. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
6. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144-238.
7. Doleschal U., Schmid S. The De/Construction of Gender Roles in Russian // (De)Construction of Gender across Languages. Amsterdam. In Print.
8. Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. С. 51-58.
9. Weiss D. Frau und Tier in der Sprachlichen Grauzone: diskriminierende Strukturen slawischer Sprachen // Slawistische Linguistik. 1984. S. 317-358.
10. Tafel K. Die Frau im Spiegel der russischen Sprache. Wiesbaden, 1997.
11. Кирилина А.В. "Мужественность" и "женственность" с точки зрения лингвиста // Женщина в российском обществе. 1998. № 2. С. 21-27.
12. Фрумкина Р.М. "Теории среднего уровня" в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 55-67.
13. Халеева И.И. Задачи Московского государственного лингвистического университета в междисциплинарном проекте "Феминология и гендерные исследования в России: перс-

пективные стратегии и технологии" // Женщина в российском обществе. 1998. № 3. С. 8-11.

14. Кирилина А.В. Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике // Женщины России на рубеже XX-XXI веков. Материалы международной научной конференции. Иваново, 23-24 апреля 1998. С. 16-20.

15. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 260-269.

16. Кирилина А.В. Стереотипы биологического пола в языке // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации "Языковое сознание и образ мира". М., 1997. 2-4 июня. С. 78, 79.

17. Германова Н.Н. Повседневное общение и структуры национального менталитета: диалог в русской культуре//Сб. научных трудов МГЛУ. М., 1996. Вып. 432. С. 105-118.

© А. Кирилина, 2000